

**СТАЛИНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

СИДНЕЙ И БЕАТРИСА

ВЕЕББ

**НОВАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ**

**ИСТОРИЯ
СОЗДАНИЯ
СССР**

Сталинская библиотека

Сидней Вебб

**Новая цивилизация.
История создания СССР**

«Алисторус»

1935

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

Вебб С.

Новая цивилизация. История создания СССР / С. Вебб —
«Алисторус», 1935 — (Сталинская библиотека)

ISBN 978-5-00222-046-5

Сидней и Беатриса Вебб - английские историки, экономисты и общественные деятели. Вместе со своими друзьями Бернардом Шоу и Гербертом Уэллсом они основали Фабианское общество, получившее свое название от имени древнеримского военачальника Фабия Максима Кунктатора (Медлительного), чья стратегия заключалась в победе из-за истощения противника, а не решительных битв. Члены Фабианского общества, в которое наряду с супругами Вебб, Б. Шоу и Г. Уэллсом входили такие известные деятели как экономист Дж. Кейнс, математик и философ Б. Рассел и другие, хотели добиться «врастания» капиталистического общества в социализм. Опыт СССР? основанный на революции, казался им неправильным, однако их живо интересовала советская цивилизация со всеми ее достижениями. Сидней и Беатриса Вебб дважды побывали в Советском Союзе, собрали огромное количество материала, как советского, так и иностранного, обо всех сторонах его жизни. В книге, написанной ими, показаны самые острые моменты истории в первые двадцать лет существования СССР: революция и гражданская война, военный коммунизм и НЭП, деятельность ВЧК-ОГПУ, создание СССР, пятилетние планы и коллективизация, состояние здравоохранения и образования в Советском Союзе, формирование новой морали. В заключение Сидней и Беатриса Вебб делают вывод о том, что же представляет собой советская цивилизация. Книга была переведена на русский язык по личному приказу Сталина и хранилась в его библиотеке. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327 (1-87)

ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-00222-046-5

© Вебб С., 1935
© Алисторус, 1935

Содержание

Глава I	7
Глава II	14
Глава III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сидней и Беатриса Вебб
Новая цивилизация.
История создания СССР

Sidney and Beatrice Webb

Художник Б.Б. Протопопов

© Перевод с английского

© ООО «Издательство Родина», 2023

Глава I

Революция и гражданская война

Предпосылки революции

Февральская революция 1917 г., которая смела царский режим, не была делом большевистских рук. В самом деле, Ленин приехал в Петроград лишь через три месяца, когда здание уже рухнуло от собственной гнилости. Это едва не произошло двенадцатью годами ранее. Еще в 1905 г., когда всеобщее возмущение фактами, вскрытыми благодаря японской войне, поколебало царский трон, можно сказать, во всех классах и частях нации раздавалось требование революции.

Но считать, что этот народ составляет единую армию или что революция сама по себе представляет сплоченное движение единым фронтом к единой цели, значит настолько не разбираться в ситуации, что некоторые последующие процессы должны показаться чудом. В действительности не было и не могло быть полного согласия ни в вопросе о направлении, ни в вопросе о степени желаемых изменений; и в конкретном и положительном смысле слова происходила не одна революция, но целая серия параллельных революций. Крестьянство в целом было пассивно, городские рабочие разобщены. Отсутствие единства среди движущих сил не возмещалось упорной волей и наличием определенной цели.

Это дало царю возможность спастись самому и спасти весь правительственный механизм, пойдя на учреждение Думы, что казалось тогда крупной уступкой. Но вскоре обнаружилось, что ничто не изменилось. Самодержавный аппарат управления остался неприкосновенным. Через несколько лет значение Думы сведено было к нулю, а репрессии приобрели еще более тиранический характер. Разрозненные выступления крестьянства, которое отказывалось от уплаты обременительных налогов и податей и даже поднималось на разгром поместий и господских усадеб, было приведено в повиновение жесточайшей поркой. Непрерывно растущий класс фабрично-заводских рабочих и горняков, в значительной своей части работавший на предприятиях иностранных акционерных компаний, под началом директоров и мастеров иностранцев, совершенно лишен был прав заключения коллективных договоров. В 1907 г. были распущены все профессиональные союзы. Бюрократия прекратила всю работу земств. Если самые умеренные пожелания исходили от дворянства, то и это вызывало недовольство со стороны царя и в некоторых случаях влекло за собой разжалование и ссылку в отдаленные места.

Насильственная руссификация угнетенных национальностей, составляющих в общем около половины всего населения, продолжалась даже в более жестоких формах. Пользование языками национальных меньшинств преследовалось; газеты, книги, школьное преподавание на этих языках – все было под запретом. В частности, евреи продолжали жить взаперти в своих гетто, в черте оседлости, разоряемые придирками и лихоимством властей, терзаемые умышленно спровоцированными погромами.

Православная греческая церковь, со своим суеверным и невежественным духовенством, оставалась орудием притеснения многочисленных сект, а поведение знаменитого Распутина еще более содействовало возбуждению почти всеобщего гнева и омерзения, изливавшихся на царя с его двором и на весь режим. Эта был беспримерный в истории образчик бездарного самодержца, который вместе с дегенеративной аристократией, тупоумным и растленным бюрократическим аппаратом слепо шел к собственной гибели.

Иронически звучит, когда говорят, что мировая война, уложившая потрясающие гека-томбы русских солдат, была задумана (как и в 1904 г.), по крайней мере, некоторыми госу-

дарственными деятелями России, как средство предотвратить страшное для них повторение народного восстания. Ленин, яснее провидевший события, сразу понял, что война неизбежно приведет к революции. Февральский взрыв 1917 г. не требовал ни вдохновения с его стороны, ни его присутствия. Чтобы привести в действие накопившиеся силы восстания, достаточно было сокрушительного разгрома скверно снаряженных, скверно снабжаемых и подчиненных невежественному командованию миллионов русских солдат, а также их отступления и дезертирства с фронта, которое началось еще в 1915 г. и непрерывно усиливалось.

Когда Ленин прибыл в Петроград в апреле 1917 г., «буржуазная революция» уже завершилась, у власти было умеренно-либеральное республиканское правительство, открыто стоявшее за парламентскую демократию и за сохранение прав частной собственности. Задачей Ленина, к выполнению которой он сразу же привлек немногочисленную большевистскую партию, было превратить буржуазную революцию в революцию социалистическую, включающую в себя экспроприацию помещиков и капиталистов.

Крестьянство ликвидирует помещиков

В большинстве сельских районов крестьяне сами позаботились о «ликвидации помещиков», совершенно независимо от действий правительства или теории Маркса. Русский крестьянин, и бедный и зажиточный, никогда не покидал убеждения, что земля, которую он обрабатывает или с которой он изгнан, является его законной собственностью и что только мир имеет право и обязан периодически устраивать передел земли между всеми деревенскими хозяйствами. За двадцать лет до революции 1917 г. крестьянство в различных частях России стремилось ликвидировать помещиков по своему собственному суровому методу. Порка, тюрьма и виселица, применявшиеся в наказание за эти восстания, не могли предотвратить их повторения сегодня в одном месте, завтра в другом.

Сдвиги, произведенные войной, ознаменованы были новыми массовыми жертвами. Сообщения о Февральской революции и отречении царя, при всеобщем ослаблении власти в провинции, вызвали вскоре почти повсеместную ликвидацию помещика – еще в тот период, когда Ленин скрывался от преследований полиции Керенского. Следующий пример даст читателю живое представление о том, что творилось повсюду. «В один сентябрьский день рокового 1917 г., у края дороги, пролегающей в Южно-Центральной степи, на телефонный столб вскарабкался человек и перерезал тонкую ниточку связи, соединявшую помещичий дом, лежащий к северу, с городами, полицейскими участками и бараками, идущими вдоль железнодорожной линии к югу. В известном смысле помещичий дом остался теперь совершенно одиноким, но на самом деле это было не так, потому что из его рощ виднелось несколько деревень. И вот этим двум стихиям – крестьянской и собственнической – на короткий миг предоставлено было каждой в отдельности противостоять друг другу. И через несколько часов имение было разгромлено, усадьба – в огне, а где-то в огненном кольце лежал мертвый хозяин дома». (Ланселот А. Оуэн, Аграрная революция 1917 г. в России).

Таким образом, до захвата власти большевиками в октябре 1917 г. ликвидация помещиков в русской деревне в значительной мере была осуществлена грубо, но с определенными результатами, собственными силами крестьян. В течение следующего года этот процесс был в существенных чертах закончен. Это далеко не согласовалось с программой Ленина или его сторонников. Экспроприация барских домов и поместий могла представляться великим благом, хотя методы ее были весьма прискорбны. Но разрушение собственности несло неисчислимые потери для общества в целом, поскольку дележка сравнительно крупных владений между восемью миллионами крестьян-домохозяев и их безземельных родственников и свойственников вскоре привела к уменьшению общего количества предметов питания, а тем более – пред-

метов питания, выбрасываемых на рынок, от которых зависело снабжение городского населения.

Что же было делать? Сомнительно, могло ли какое бы то ни было петроградское или московское правительство в обстановке 1917–1918 гг., когда миллионы солдат спешили с фронта, чтобы принять участие в разделе помещичьих имений, располагать достаточными силами, чтобы остановить эту народную экспроприацию. Разумеется, только что установившаяся большевистская власть была тут бессильна. Просто выступить с порицанием бурного движения крестьянства было бы не только бесплодно, но даже опасно.

И вот Ленин с разумной поспешностью провел на съезде и через новый Совнарком декрет, объявляющий всю землю собственностью народа в целом. Декрет предоставлял для раздела среди крестьян-земледельцев обширные имения, принадлежавшие ранее царю и его родне или церкви и монастырям. Работа по земельному переделу возлагалась на местные комитеты, избираемые крестьянами; за государственной властью оставлялись в качестве образцовых сельскохозяйственных предприятий фермы, на которых сравнительно немногочисленные передовые хозяева вели крупное животноводство и полеводство. К несчастью, даже из этих ферм многие были захвачены и поделены между крестьянами.

В течение неполного десятка лет советское правительство находило возможным иметь дело с огромной сельскохозяйственной территорией, номинально национализированной, но поневоле заброшенной, разбитой на крохотные и часто разбросанные участки, находящиеся в руках отдельных крестьянских семей, число которых возросло до двадцати пяти миллионов.

Экспроприация капиталистов

За ликвидацию капиталистов новое большевистское правительство несло полную ответственность. Последователям Карла Маркса самое существование капиталиста, получающего прибыль или ренту, – будь то финансист или торговец, фабрикант или судовладелец, спекулирует ли он земельными ценностями или вкладывает капитал в операции фондовой биржи, – представлялось источником всех зол современной цивилизации. Они считали, что этот класс несет прямую ответственность за разделение населения любой капиталистической страны на две части, которые Дизраэли – почти современник Маркса – характеризовал как «две нации», богатых и бедных.

Действительно, национализация средств производства, распределения и обмена, без всякой компенсации собственников, представляла основной пункт программы обеих частей российской социал-демократии. Эта систематическая ликвидация целого класса могла быть осуществлена исключительно путем революции, которая поставила бы своей целью замену очевидной «диктатуры» немногих, владеющих средствами производства, диктатурой многих, получающих свое скудное и ненадежное пропитание за счет заработной платы. Существовала уверенность, что в капиталистическом мире революция неизбежна в связи с непрерывным численным и организационным ростом массы живущих наемным трудом, которые составляют уже в некоторых странах две трети населения и которым «нечего терять, кроме своих цепей».

Старому марксисту казалось аномалией, чтобы первое успешное восстание пролетариата против хозяев могло произойти в России, наименее индустриальной стране среди великих держав. Предшественники Ленина не понимали, что в России имеется такая революционная предпосылка, которая отсутствует в Великобритании, Франции, Скандинавии и других странах политической демократии на Западе, – предпосылка, которой не было в Германской империи с ее добросовестным и энергичным чиновничеством, развитыми социальными учреждениями, свободно избираемыми и мощными организациями социал-демократической партии, легальным и высокоорганизованным профессиональным и кооперативным движением.

Этой предпосылкой была постоянная сильная ненависть, одушевляемая героическим мужеством, проникшая в умы бесчисленных масс обоого пола всех классов и поколений. Среди них были вожди крестьянских восстаний, организаторы революционных стачек, люди, ведущие конспиративную работу среди свободолюбивой интеллигенции, – все они перенесли тюрьму и ссылку, подолгу жили в страхе и под угрозой смерти, в бедности и лишениях. Многие из них видали, как их возлюбленные или товарищи терпят пытки ради свободы.

И вот Ленин и его последователи, игнорируя отсутствие в других странах этой ожесточенности классового сознания, горячо верили в возможность скорого восстания трудящихся во всем мире, особенно в высокоразвитых промышленных странах. Их вера в справедливость и осуществимость коммунизма сопровождалась столь же твердой уверенностью, что коммунистический режим не может быть полностью установлен и сохранен в одной России. Они были настолько фанатически убеждены не только в законности отмены частной собственности на средства производства, не только в возможности заменить мотив прибыли мотивом служения обществу, но и в непреложной моральной ценности этой политики, что отворачивались сердцем от всех индивидуальных страданий, неизбежно причиняемых социальной революцией. Чтобы свергнуть «диктатуру капиталистов», которую по существу своему либеральное временное правительство стремилось сохранить, Ленин переплыл бы целые моря крови. В самом деле, несмотря на то, что в Москве несколько дней происходили жестокие бои, несмотря на многочисленные случаи убийства отдельных лиц в Ленинграде и других местах, сама по себе Октябрьская революция была по существу изъяслением народной воли.

Это уже впоследствии, чтобы удержать советское правительство у власти и подавить контрреволюционные восстания, знаменовавшие неминуемую реакцию, Ленин и его товарищи вынуждены были прибегнуть к оружию тирании, как то: самовластным арестам и расстрелам политических противников наравне с разбойниками и бандитами, к террору безответственной тайной полиции и – в широчайшем масштабе – пойти на все прочие ужасы гражданской войны.

Ненависть к капиталистам вскоре перекинулась на все правительства мира, будь то республиканские, королевские или императорские: разве они, вместе и порознь, не поддерживали капиталистический строй? Разве не было их общей и главной чертой упование на мотив личной прибыли, как на «невидимую руку божью»?

Это отрицательное отношение ко всем правительствам мира, разумеется, вызвало враждебное отношение со стороны победоносных союзников царя. Именно, вооруженная интервенция полудюжины капиталистических правительств против советского строя заставила советское правительство, в целях самозащиты, отчаянно бороться за свое существование. И эта интервенция, предпринятая в 1918 г. отчасти по стратегическим соображениям, чтобы восстановить боевой фронт против торжествующих германских сил, была продолжена и расширена в 1919–1920 гг. не только из-за сочувствия русским помещикам и капиталистам, но в немалой степени также из страха, что большевикам удастся добиться своей открыто провозглашаемой цели – поднять революционное восстание в других странах.

Таким образом, вера некоторых большевиков в неизбежность мировой революции была не только ошибкой логического порядка. В 1919–1920 гг. эта искренняя вера едва не привела к разгрому революции в самой России, революции, за сохранение которой большевики боролись с таким мужеством.

Трудно разобраться и еще труднее себе представить, что происходило в эти первые лихорадочные дни большевистской революции. «Банкротство России в конце 1917 г., – писал Г. Уэллс на основании своих наблюдений 1920 г., – было, конечно, сложнейшим явлением в истории современной социальной организации. После того как правительство Керенского не сумело заключить мир, а британское морское командование облегчить положение на балтийском участке фронта, разбитые русские армии, с оружием в руках, разбежались и покатались обратно в Россию – море крестьян в солдатской одежде, стремящихся домой, без надежды, без

помощи, без дисциплины. Эти дни разгрома были днями социальной смуты. То был социальный распад». (Г. Уэллс, Россия во мгле, 1920, стр. 34).

Гражданская война и иностранное вторжение

В 1918 г. власть советского правительства далеко еще не была прочной. Даже в Петрограде и Москве жизнь и собственность почти никак не были обеспечены. Самым обычным делом были грабежи и насилия на улицах, как и налеты вооруженных бандитов на дома – зачастую под предлогом официальных обысков или реквизиций. За городской чертой не было организованной охраны. Обдуманная, затяжная блокада, проводимая британским флотом при поддержке других враждебных правительств, лишала страну предметов питания, одежды, насущно необходимых лекарств.

Вся страна кишела контрреволюционерами, легко переходящими от индивидуального саботажа к участию в летучих группах, сочетающих в различных пропорциях восстание с бандитизмом. Теперь прибавились армии Великобритании, Франции, Японии, Италии и Соединенных штатов, которые, не объявляя войны, фактически оккупировали в целом ряде пунктов от Владивостока и Батума до Мурманска и Архангельска территорию страны, которая официально не переставала числиться «дружественной державой».

Мало того: те же правительства широко снабжали офицерами, оружием и обмундированием смешанные отряды Деникина, Колчака, Юденича и Врангеля, поднявших оружие против советской власти. Немцы и поляки опустошили западные районы, между тем как армия, сформированная из военнопленных чехословаков, во время своего затяжного перехода через всю Сибирь к Тихому океану держала себя весьма двусмысленно. При более или менее открытой иностранной поддержке объявлена была независимость Грузии и Украины, где жестокая партизанская война сопровождалась страшными насилиями и самосудами, причем от участия в них не всегда воздерживались и представители иностранных держав.

Эти ужасы и преступления, в которых простой бандитизм, расовые и религиозные преследования шли рука об руку с войной и восстаниями, продолжались в отдельных местах свыше двух лет, вспыхивая там и сям почти по всей территории нынешнего СССР. Прочитируем одно только описание, рисующее действие событий на гражданское население; автор его сам был экстремистом, но в то же время находился в глубокой и убежденной оппозиции к большевикам. Это анархист Александр Беркман, изъездивший Европейскую Россию из конца в конец.

«На юге России, – писал он в своем дневнике за июль 1920 г., – все аморфно, гротескно, хаотично. Частая смена властей, сопровождаемая гражданской войной и разрухой, создала духовные и физические условия, неведомые в других частях страны. Она породила атмосферу неуверенности, постоянной тревоги, уничтожила источники существования. Некоторые части Украины испытали за период 1917–1920 гг. четырнадцать различных режимов, и каждый из них вносил сильное расстройство в обычные условия существования, дезорганизуя жизнь и подрывая ее основы.

На этой территории разыгралась вся гамма революционных и контрреволюционных страстей. Здесь националистическая рада боролась с местными органами правительства Керенского, пока брестский договор не открыл южную Россию для германской оккупации. Рада была разогнана прусскими штыками, и над страной, милостью кайзера, воцарился гетман Скоропадский во имя народной «независимости» и «самоопределения». Катастрофа на западном фронте и революция в собственной стране заставили немцев отступить, и новое положение вещей дало Петлюре победу над гетманом, калейдоскопически менявшим кабинет за кабинетом. Диктатор Петлюра и его «директория» изгнаны были восставшим крестьянством и Крас-

ной армией, а последняя, в свою очередь, уступила место Деникину. Затем хозяевами Украины стали большевики, вскоре их оттеснили поляки, а затем снова взяли верх коммунисты.

Продолжительные военные действия армии и гражданская война расстроили всю жизнь юга. Общественные классы были разрушены, старые навыки и традиции уничтожены, культурные барьеры сломаны, и население не в состоянии было приспособиться к новой, непрерывно меняющейся ситуации. Не хватало ни времени, ни возможности переделать интеллектуальный и физический строй жизни, ориентироваться в изменчивых обстоятельствах. Единственным лейтмотивом мыслей, чувств и действий стали инстинкты голода и страха; всепроникающая и постоянная неопределенность была единственно определенной, действительной реальностью. Единственно интересующие темы – хлебный вопрос, опасность нападения.

Вы слышите рассказы о вооруженных силах, грабящих окрестности города, и фантастические рассуждения о характере мародеров, которых одни называют белыми, другие зелеными или погромщиками. Легендарные фигуры Махно, Маруси и Щорса вырастают гигантскими призраками в атмосфере паники, созданной переживаемыми ужасами и еще более страшным опасением неведомого. Жизнь и мышление населения отмечены печатью панического страха. Эти чувства проникают все жизнеощущение людей...

Вся страна напоминает военный лагерь, живущий в постоянном ожидании вторжения, гражданской войны и внезапной смены властей, несущей с собой новые убийства, новый гнет, конфискации и голод. Работа промышленности парализована, финансовое положение безнадёжно. Каждая власть выпускает собственные деньги, запрещая все предшествующие формы денежного обмена. Но среди населения циркулируют различные «бумажки» – тут и керенки, и царские, и украинки, и советские деньги. Что ни рубль, то своя цена...

Под поверхностью повседневной жизни почти свободная игра примитивных, ничем не связанных страстей. Этические ценности в состоянии распада; лоск цивилизации облез. Остается один неприкрашенный инстинкт самосохранения и неотвязный страх перед завтрашним днем. Победа белых или окружение города их силами влечет за собой дикие репрессии, еврейские погромы, смерть коммунистам, тюрьмы и пытки для заподозренных в сочувствии коммунистам. Приход большевиков означает красный террор. И то и другое – катастрофа; она повторялась уже много раз, и население живет в непрерывном страхе перед этим повторением.

Междоусобица шагает по Украине, словно истый людоед, пожирая, разрушая, оставляя по пути разруху, отчаяние и ужас. У всех на устах рассказы о зверствах белых и красных, душераздирающие истории о лично виденном и пережитом, об ужасных убийствах и грабежах, о бесчеловечной жестокости и несказанных насилиях». (Александр Беркман, Миф о большевиках, 1923, стр. 160–162).

«Ни одна часть страны не страдала так, как некогда цветущая Украина, где война вызвала почти полный экономический крах... За германской оккупацией последовали разбойничьи банды, которые сменялись с большой быстротой, оставляя сильные разрушения. Помимо небольших банд, производивших разрушения в различных частях страны, ее грабили в крупных масштабах Махно, Григорьев, Скоропадский, Деникин, Петлюра и многие другие. Разбойники всех мастей разоряли страну под предлогом борьбы с большевизмом, пока не довели ее до почти полной разрухи» («Ежемесячник Московского народного банка», декабрь 1934, стр. 9).

Опытный германский наблюдатель, посетивший СССР в 1929 г., сообщает следующее: «Люди, которые провели семь лет на фронте, а затем дома, служившие в безжалостных ударных частях, люди, которые ни перед чем не останавливались, сейчас закрывают глаза, если путем расспросов вызвать перед ними сцены гражданской войны. Как видно, это было ужасно, превыше всякой меры, еще ужаснее, чем сцены войны внешней. Дьявольская жестокость, порожаемая ненавистью человека к человеку, соотечественника к соотечественнику, соседа к соседу, изуверство в результате привычки к убийству, ставшему для многих в известных усло-

виях чем-то безразличным, механическим упражнением для глаз и рук; и все это, помноженное на нищету, дошедшую до последней степени.

Деревни и промышленные предприятия, обращенные в крепости, защищаемые мужчинами и даже женщинами, в перерывах борьбы отдыхавшими на производстве предметов мирного обихода, – причем на эту продукцию всегда был жадный спрос, и зачастую она просто реквизировалась для воинских частей той стороны, которая, в изменчивых судьбах гражданской войны, была победительницей в данный момент, – так должна была выглядеть система экономики в значительной части страны» (Артур Фейлинг, Большевистский эксперимент, 1930, стр. 43–44).

Глава II

Военный коммунизм и НЭП

Военный коммунизм

Период 1918–1920 гг. был впоследствии прозван периодом военного коммунизма. Все одинаково знали не богатство, а голод и лишения. Все было принесено в жертву одной насущной необходимости – разбить враждебные армии на фронте и восставшую контрреволюцию в тылу. Всем заводам пришлось сосредоточить свое производство на нуждах шестнадцати Красных армий, пяти миллионов человек, которые Ленину удалось выставить под командованием Троцкого, Сталина и Фрунзе и которыми Троцкий эффективно руководил из своего непрерывно находившегося в движении бронепоезда. Профессиональные союзы превращены были в вербовочные бюро, чтобы обеспечить необходимый приток людей на различные фронты. Крестьяне тех районов, которые в данный момент свободны были от врага, разорялись реквизицией всех видов продовольствия, какие только можно было у них изъять. Все население городов посажено было на ничтожные пайки в интересах регулярного снабжения армий. Каждое решение Ленина и его коллег облекалось в форму категорического приказа, который должен быть выполнен под угрозой немедленного ареста, а нередко и казни в кратчайший срок. Малейшая тенденция к какой бы то ни было контрреволюционной деятельности с такой же беспощадностью пресекалась и подавлялась.

Народных восстаний и мятежей не было. Крестьяне ненавидели белых больше, чем красных. Рабочие валом валили в Красную армию. Те, что оставались на предприятиях, не возмущаясь оказываемым на них давлением, напрягали силы, чтобы увеличить выработку. Все ворчали на постоянный недостаток пищи, топлива и одежды, на недостаток света, сахара, лекарств и всяких удобств. Но в целом народ не бунтовал; не было даже попытки оказать давление на правительство, чтобы оно прекратило свою напряженную борьбу против потока белых армий, которые британское, французское, итальянское, японское и американское правительства порою подкрепляли офицерским составом, сплошь и рядом снаряжали и от случая к случаю субсидировали.

В самом деле, можно сказать, что именно чувства, вызываемые этим иностранным вторжением, помогли большевикам удержаться у власти. Так было на всем протяжении этих двух-трех лет интервенции союзников и гражданской войны, убийств и покушений на работников советской власти, бесконечных контрреволюционных заговоров и саботажа, жестокостей и репрессий, применяемых армией и политическими приверженцами обеих сторон; высокой смертности среди гражданского населения, усиливаемой в гораздо большей мере долгими лишениями и хроническими страданиями, чем в результате системы самосудов во всех ее стадиях.

За эти-то годы и нагромождалась столь часто используемая статистика смертных случаев в России «в результате революции», причем иногда эти смертные случаи с невероятной наивностью приписываются не вине повстанцев, поднимавших оружие против правительства *de facto*, не вине иностранных правительств, которые, без всякого законного оправдания, провоцировали и поддерживали эти восстания, но всецело влиянию большевиков в правительстве Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Этот трехлетний эпизод военного коммунизма рассматривался в двояком направлении. Во-первых, он описывался, словно некая часть заранее обдуманного плана построения комму-

нистического государства. Возможно, что среди большевиков кое-кто верил на первых порах, будто им удастся проделать развитие в сторону коммунизма одним большим скачком.

Национализация банков, конфискация частной собственности с оставлением ее под их охраной, экспроприация буржуазии, включая дома и даже серебро, драгоценности и произведения искусства; объявление всех земель собственностью государства; передача крупной промышленности в целом в руки государства; введение карточной системы на все предметы первой необходимости; разрушение рынка путем воспреещения торговли; милитаризация труда путем введения всеобщей трудовой повинности; и, наконец, отмена денег государством, которое, вместо уплаты рабочим и служащим наличными (что составляло в 1920 г. всего 7 %), намерено было удовлетворять все большую долю их потребностей натуральной формой оплаты (пайки или бесплатные обеды в общественных столовых; предоставление квартир с отоплением, газом, водой и электричеством; пользование железными дорогами и трамваями; снабжение одеждой и предметами домашнего обихода с государственных складов; школы, газеты, театр); аналогично этому снабжение крестьян необходимой им промышленной продукцией в обмен на обязательную сдачу продовольствия – так должен был, в общих чертах, совершиться этот переход к коммунизму.

С другой стороны, Ленин, как явствует из его многочисленных печатных работ 1917 г., предусматривал длительный переходный период, различных стадий которого он не мог заранее предвидеть и который в его представлении должен был протекать в форме целого ряда экономических экспериментов. В 1921 г. он разъяснял – цитируем в передаче германского исследователя, – что «военный коммунизм введен был большевиками лишь в силу жестокой необходимости, в результате войны и всеобщей разрухи. Ведь это факт, что все излишки, а в иных случаях и часть необходимого продовольствия отбирались у крестьян для снабжения армии и рабочих... Этот военный коммунизм представлял собой временную меру, потому что в тогдашнем своем отчаянном положении большевики не могли останавливаться ни перед какими, хотя бы и крайними мерами; в то время как голодала половина, больше половины населения, они должны были во что бы то ни стало удержать позиции и спасти жизнь рабочих и крестьян».

К счастью для большевиков, как раз в тот момент, когда народ, насколько можно сейчас судить, доходил уже до последней степени нужды, интервенция прекратилась. В 1920 г. военный коммунизм достиг кульминационной точки. «Этот год, – писал один автор, – долго будет жить в памяти всех русских, его переживших: то был самый холодный, самый голодный и страшный год революции». Но в конце его «власть Центрального комитета правящей партии была полной и абсолютной».

Иностранным правительствам не удалось координировать последовательный ряд принятых ими интервенций. Их собственные страны были в большинстве своем слишком истощены годами войны, а правители слишком боялись своих собственных рабочих, чтобы продолжать свои усилия. У белых армий было слишком бездарное руководство, а поведение как офицерства, так и рядового состава слишком скандально для того, чтобы рассчитывать на какую-либо помощь со стороны притесняемого ими крестьянства или противостоять патристическому пылу Красных армий. Британские войска вскоре были изгнаны из Мурманска и Архангельска, а затем японцы из Владивостока. Английские и французские суда эвакуировали с черноморского побережья всех враждебных большевизму иностранцев и русских.

Мирные договоры с Латвией и Литвой были подписаны в июле 1920 г., а в октябре того же года был заключен мир с Финляндией. Гражданская война в Сибири закончилась в октябре 1920 г.; на юге России борьба с Врангелем, Петлюрой, Булак-Балаховичем и Махно точно так же закончилась в ноябре 1920 г. Фактически к концу ноября 1920 г. во всей стране наступил мир.

Тем не менее так неопределенно было положение и так велика решимость большевистского правительства, что политика военного коммунизма сохранена была еще на несколько месяцев. «Декрет о полной национализации всей промышленности, включая мелкие предприятия» (т. е. все предприятия с числом рабочих более десяти или более пяти, если производство механизировано) издан был 30 ноября 1920 г.; 3 февраля 1921 г. – декрет о прекращении взимания налогов ввиду того, что деньги перестали функционировать как платежное средство.

В декабре 1920 г. ... VIII съезд советов принял наиболее утопическую из всех резолюций периода военного коммунизма – о социализации сельского хозяйства. Были (должны были быть) назначены специальные комитеты по определению площади и видов с.-х. культур для каждого из двадцати (пяти) миллионов крестьянских хозяйств. Крестьянское хозяйство, глаголющая резолюция, «должно вестись по единому плану и под единым руководством».

Новая экономическая политика

Народ, который столько перенес, больше не мог терпеть. Начались крестьянские восстания в Тамбове и Поволжье. Хуже всего было то, что сосредоточенные в Кронштадте краснофлотцы подняли вместе с кронштадтским гарнизоном вооруженный мятеж; против советской власти не из-за какого-либо недовольства по службе, но из-за протеста против голодовки солдатских и матросских семей, живущих в деревнях пораженных районов. Лозунг моряков глаголющий: «Советы без коммунистов!».

Одной из черт ленинского гения было то, что он знал, когда уступить явному недовольству народных масс и как это сделать широко и полно, в то же время никогда не поступаясь своей главной целью. Было очевидно, что кронштадтское восстание должно быть подавлено силой, путем бомбардировки и штурма с переходом через лед, но без особых мер наказания за это тягчайшее военное преступление. В марте 1921 г., на X съезде коммунистической партии, Ленин поразил своих приверженцев, предложив полный отказ от методов военного коммунизма. Во-первых, отменена была неограниченная реквизиция зерна и заменена определенным прогрессивным налогом с каждого крестьянина, пропорционально его земельному участку, с предоставлением ему права сбывать свои продукты, сверх того что выделено для налога, на вольном рынке, по ценам, какие ему удавалось получить.

Вскоре восстановлено было денежное обращение, проведена стабилизация валюты и отменены все ограничения для владельцев и держателей денег. «Декретом от 9 июля 1921 г. восстановлена была плата за железнодорожный проезд; декретом от 1 августа почтово-телеграфные сборы; декретом от 15 сентября плата за воду и электричество, за пользование трамваями, общественными банями и прачечными».

Декрет от 12 августа 1921 г. предоставил автономии национализированным предприятиям на замечательной новой базе хозрасчета. За такими предприятиями сохранялось все их оборудование, запасы топлива, сырья и полуфабрикатов. Но они должны были отказаться от каких-либо претензий на государственную поддержку в виде денег или продовольствия как средства оплаты труда: они обязаны были вести дело на коммерческих началах и не обязаны были бесплатно снабжать своей продукцией какие-либо ведомства. Весьма скоро большинство бывших государственных предприятий стало в этом смысле автономно. Затем, в том же месяце, государственные заводы получили право закупки на рынке нужного сырья и продовольствия для оплаты рабочих, а в октябре 1921 г. они получили еще одну привилегию – продавать свою продукцию на вольном рынке. Таким быстрым и упрощенным способом положено было начало построению новой экономической системы.

Оживление хозяйственной инициативы, создание бесчисленных небольших предприятий всякого рода и развитие свободного обмена между производителями города и деревни, естественно, потребовали известного времени. И если весь мир, за пределами СССР, и почти

все противники большевиков внутри СССР заявляли, что новая экономическая политика есть одновременно признание и доказательство провала коллективизма, то это было, думается, простое самовнушение. Почти все полагали, что это отказ от дальнейшего продолжения политики ликвидации помещиков и капиталистов. Но Ленин совершенно ясно показал, что это был, по его выражению, всего лишь шаг назад для того, чтобы можно было сделать два шага вперед.

Покуда в руках и под руководством правительства находились все банки, вся внешняя торговля, различные средства связи и транспорта, фактически вся городская земля и строения, минеральные недра, запасы всех видов топлива и все источники электрической энергии, тяжелая индустрия и все более или менее значительные предприятия легкой индустрии, – не говоря уже о руководстве профессиональными союзами и потребительской кооперацией, – какое влияние могло оказать на будущее коллективизма, если миллионам единоличных хозяев-крестьян разрешено было свободно выносить свои корзины с продуктами на рыночные площади, если широко разрешалось открывать в городах многочисленные мелкие ресторанчики и кафе, кондитерские и чайные, мануфактурные лавки и торговлю колониальными товарами или даже мелкие мастерские и заводы для производства всевозможных предметов домашнего обихода?

Ленин доказывал, что, поскольку «командные высоты социализма» по-прежнему оставались в руках правительства, тысячи небольших аванпостов могут быть спокойно оставлены за барышниками, пока правительство не найдет удобный момент, чтобы отказаться от этих каналов снабжения потребителя. Даже самый фанатичный коммунист может спокойно предоставить иностранному капиталисту концессию, разрешив ему в течение строго определенного времени, под контролем закона и профессиональных союзов, разрабатывать те естественные ресурсы страны, которыми правительство в данный момент не в состоянии заниматься. Беда была в том, что большевистские правители недооценивали или не понимали, каким могуществом, в дурном и хорошем смысле, обладает мотив прибыли. Он может увеличить производство и облегчить товарооборот между промышленными и сельскохозяйственными производителями. Но, будучи отвергнут, мотив материальной заинтересованности пошел кривыми путями и вскоре подорвал ту новую этику, от которой зависел успех советского коммунизма.

Со дня на день новая экономическая политика расширяла фронт своего духовного влияния. На первых порах лишь один крестьянский рынок был отдан во власть стремления к личной наживе. Предполагалось, что все остальные области предпринимательской деятельности будут руководствоваться стремлением к общему благу. Однако новая экономическая политика все более расширялась в сторону полного освобождения частных предприятий от всяких попыток общественного регулирования, и даже государственные предприятия стали проникаться предательским духом личного эгоизма.

Нам говорили, что есть русская поговорка, которая всегда была популярна среди учеников Маркса: кто сказал «а», должен сказать и «б». Сила этого положения никогда так хорошо не иллюстрировалась, как на примере быстрой эволюции мероприятий, которые сочтено было необходимым включить в систему новой экономической политики. Чтобы стимулировать крестьянское производство, отменены были самочинные государственные реквизиции крестьянского урожая и взамен установлены твердые цены на хлеб. То было невинное «а» в алфавите большевистского отступления. Еще через месяц сочли нужным создать аналогичный стимул и для городских производителей. Вскоре оказалось, что приходится терпеть возвращение – не как-нибудь подпольно, а вполне легальное возвращение ненавистного буржуа, сперва в роли посредника и торговца, а затем и работодателя. И так постепенно сделан был целый ряд уступок, больших и малых, причем все они меняли в направлении индивидуализма экономические отношения не только между городским и сельским населением, но и между тем и другим, как производителями, с одной стороны, центральной и муниципальной властью – с другой.

Ни место, ни время не позволяют нам подробно разбираться в вопросе, действительно ли оправдала бы себя новая экономическая политика или доказала бы свою потенциальную

пригодность как средство построения социалистического государства, если бы ей дали вернуться в течение десяти лет. Быстро растущим предприятиям нэпманов в городах недолго дали существовать. Вскоре стало ясно, насколько необоснованны предположения о намерении советской власти вернуться к капитализму. Уже через год возобновлена была политика ликвидации нетрудового элемента. Это достигалось не только репрессиями. Простое расширение производства и торговли в руках государственных трестов и коммунальных органов и предоставляемые им привилегии были сами по себе достаточны, чтобы разрушить здание частной торговли, основанное на барышах. Но при нажиме на нэпманов использовалось и оружие репрессий, как например, повышенное налоговое обложение, прекращение снабжения, аресты и высылка их помощников иностранцев, срыв работы путем организации конфликтов с рабочими и заявок о повышении заработной платы и, наконец, политика подавления тех или иных мер, принимаемых нэпманами для привлечения клиентуры.

Понятно, что отмена новой экономической политики и ликвидация всей разнообразной деятельности нэпманов представляли собой постепенный процесс, осуществленный не одним декретом, не по какой-либо одной правительственной схеме, но растянувшийся на несколько лет. Пожалуй, за дату, когда в городах этот процесс был фактически закончен, можно принять 1929 г., когда обнародован был первый пятилетний план. К этому времени во всех городских центрах СССР в основном была завершена ликвидация капиталистов – в более существенном смысле, чем запрещение уличной торговли.

Окончательно был уничтожен рой «спекулянтов», успевших пооткрывать между 1921 и 1927 гг. сотни тысяч мелких оптовых и розничных магазинов, столовых и заводиков. Одни зачали, другие отбывали тюремное заключение или административную ссылку, третьи бежали за границу, между тем как, вероятно, большинство, не лишенное возможности заняться наемным трудом, растворилось где-то среди «неимущих» классов. Практически вся деятельность этих нэпманов в области оптовой и розничной торговли, как и в области производства, примерно к 1929 г. была уже компенсирована непрерывным расширением коллективных предприятий, постепенно все в большей мере удовлетворявших нужды городского населения.

В этом усиленном процессе замены частника многотысячные по числу заводы и фабрики государственных трестов, непосредственно подчиненных ВСНХ так же, как и напряженная работа профессиональных союзов по повышению производительности, встречали поддержку со стороны непрерывно растущих производственных предприятий союзных республик (главным образом РСФСР и Украины), а также советов таких городов, как Москва и Ленинград, Харьков и Ростов.

Глава III

Деятельность ЧК и ОГПУ

Создание ЧК

Невзирая на колоссальные и длительные страдания, сопутствовавшие военному коммунизму и гражданской войне, на наш взгляд нельзя не придти к заключению, что в течение всего периода 1917–1935 гг. советское правительство опиралось на поддержку не только миллионов членов коммунистической партии, но и на массу рабочих городов и угольных районов, на железнодорожников, на сотни тысяч красноармейцев и, хотя и с большими исключениями, на крестьянские массы в значительной части обширного Союза Советских республик. Мы уже описывали всепроникающую систему политического воспитания и пропаганды, с помощью которой коммунистическая партия завоевала и поддерживала свое бесспорно руководящее положение.

Сейчас мы остановимся на том, как использована была на протяжении всего периода ликвидации помещиков и капиталистов, а также их пособников из среды интеллигенции, широкая система энергичных репрессий за всякую «контрреволюционную» деятельность. Главным оружием этого «терроризма» была обширная организация типа тайной полиции, последовательно известная под именами ЧК и ОГПУ, а в 1934 г. влившаяся в новый Комиссариат внутренних дел (Наркомвнудел).

Террор, осуществляемый тайной полицией, в России, конечно, не новость. Нечто в том же роде можно отметить при Петре Великом, если еще не при Иване Грозном. Но впервые настоящая организация подобного типа была создана в виде жандармского корпуса вскоре после восстания декабристов в 1825 г.; эта жандармерия была подчинена знаменитому «Третьему отделению» придворной «канцелярии» при Николае I.

Несмотря на всякие так называемые реформы, организация, не изменяя в сущности ни целей, ни методов, просуществовала под именем охранки до самой Февральской революции 1917 г., когда она исчезла на несколько месяцев в период полного распада правительственной власти. Однако Керенский вскоре почувствовал нужду в подобного рода национальных силах политической полиции и стал уже предпринимать шаги к восстановлению охранки, когда Октябрьская революция смела Керенского вместе с его проектами.

Ленин и Совнарком весьма скоро пришли к выводу, что без подобной организации новому правительству нельзя успешно бороться с контрреволюционными восстаниями, происходившими кругом, зачастую в контакте с армиями интервенции. В июне 1918 г. Совнарком охотно принял предложение одного из своих надежнейших коллег, Феликса Дзержинского, о том, чтобы разрозненная и нерегулярная деятельность недавно возникших сил тайной полиции, начатая почти тотчас же после захвата власти, окончательно была оформлена в организацию под именем «Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем»; название это было тут же сокращено в Чека. Декретом от 7 ноября 1918 г. Дзержинский назначен был председателем этого комитета из пятнадцати испытанных и надежных большевиков, которым предоставлена была почти такая же исключительная власть, как в былое время охранке. Новый орган, хотя и не вернул на службу никого из персонала старой охранки, применял те же методы шпионажа и доноса, устного допроса и тайного суда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.